VISIT…

LANZAROTE Caliente.COM

ОПЕРАЦИЯ «ПРОГРЕСС»

«Последуем Христу, “прямому пути”,
и отвратимся от суетного
круговорота нечестивцев».

Бл. Августин.

«Если людоеды начинают
пользоваться ножами и вилками,
то это прогресс?»

Е. Лец.

Прогресс — это проблема, при рассуждении о которой вспоминаешь Сократа с его «я знаю, что я ничего не знаю», Лютера с тезисом о болезнетворности истины, Декарта с императивом терминологической определенности, Маркса, призывавшего во всем сомневаться, и Любищева, заметившего, что прошлое науки — это не кладбище, а собрание недостроенных архитектурных ансамблей.

К вопросу о прогрессе можно подойти с разных сторон, при анализе этого явления — выбрать различные проблемы. Мой набор проблем таков: поворот от прогрессизма, произошедший в 1980–1990-е годы; прогресс как феномен (и проблема), по поводу которого конституировались великие идеологии Модерна и который обусловил само возникновение этой идеологии; соотношение прогресса с христианской «стрелой времени»; критерии (общественные) прогресса в развитии живой природы; принципы и возможности сравнения различных обществ и исторических систем по «шкале прогресса»; степень прогрессивности капитализма как системы в целом, а не только его отдельно взятого «ядра». И, наконец, марксистско-либеральная схема прогрессивного перехода (буржуазной революции) от феодализма к капитализму — этот своеобразный «момент истины» и «царь доказательств» тезиса об универсальном прогрессе в истории. Эти проблемы представляются мне логически тесно связанными друг с другом, вытекающими одна из другой и формирующими интегральное целое.

Настоящая статья — приглашение к размышлению, к тому, чтобы прогуляться по «недостроенным ансамблям» и попытаться «расшифровать смыслы» (Фуко), выступив при необходимости археологом знания, чтобы понять, имеем ли мы дело с истиной, заблуждением или сознательной социально-концептуальной (психо-исторической) фальсификацией под названием «прогресс», и если последнее верно, то — cui bono? Ограниченный объем не позволяет пройти по всем следам, но постараемся, по крайней мере, наметить возможные пути поиска и расследования.

*** * ***

Прогресс — одно из центральных, кодовых слов XX в. и Модерна (1789–1991 гг.) в целом. Этим словом клялись революционеры и реформаторы, под знаменем прогресса крушили империи, реформировали экономики и уничтожали целые классы («Мы снимаем людей

слоями», — гордо заявлял Каганович). Прогрессом как идеологической дубинкой размахивали марксисты и либералы, националисты и интернационалисты.

В 1945–1975 годах, которые французы называют «les trentes glorieuses» и которые совпали с «повышательной волной» кондратьевского цикла и беспрецедентным периодом экономического роста в современной (modern) истории, казалось, что чаемый прогресс, его царство вот-вот прии'дет. Мир в целом и все его «миры» — Первый, Второй и даже Третий — были на подъеме. Перед глазами людей мелькали «чудеса»: японское, итальянское, немецкое, бразильское (репетицией и прологом последнего можно считать три победы футбольной сборной этой страны в 1958, 1962 и 1970 гг.). Не подкачал и СССР, восстановивший экономику за пять лет (вместо прогнозировавшихся на Западе 20–25 лет), удививший мир водородной бомбой, атомоходом «Ленин», спутником, Гагариным и решением жилищной проблемы с помощью не осмеянных лишь ленивым «хрущевок».

Про США и говорить нечего. Это общество изобилия («Affluent society» — название книги Дж. Гэлбрейта 1958 г.) неслось в будущее под песни Фрэнка Синатры, Элвиса Пресли и «Let the good times roll» («Пусть мчатся славные времена») саксофониста Луиса Джордана.

Мировая наука и техника демонстрировали фантастические достижения: ядерная и космическая техника, кибернетика и теория информации, расшифровка структуры ДНК, трансплантация важнейших органов, вычислительная техника, прошедшая в своем развитии путь от компьютера Экерта и Маучли 1946 г. до первого персонального компьютера «Altair 8800» и лазерного принтера IBM в 1975 г. Революционно (прогрессивно!) менялся быт: микроволновки, транзисторы, видеомагнитофоны, ксерокс, кварцевые часы, штрихкод и многое другое. Казалось, еще чуть-чуть, и если не «здесь-и-сейчас», то «за ближайшим поворотом» осуществится великая мечта человечества о всемирном — «одном на всех, мы за ценой не постоим» — прогрессе. Один из бестселлеров эпохи, принадлежащий перу Ж. Фурастье, так и назывался: «Grande espoir du XX siecle». Однако «grande espoir» не осуществилась.

Первые «знаки на стене» появились в 1968 г. Это были мировые студенческие волнения. Затем последовал отказ США от бреттон-вудских соглашений и девальвация доллара, а вслед за этим — нефтяной кризис, мировая инфляция, быстро обернувшаяся стагфляцией. В 1979 г. произошла хомейнистская революция, приведшая к власти в Иране исламских фундаменталистов. В том же году фундаменталисты, но уже рыночные, пришли к власти в Великобритании, на следующий год — в США. В 1982–1983 гг. разразился долговой кризис. В 1986 г. обвалилась нью-йоркская биржа, 19 октября 1987 г. рухнул Уолл стрит (индекс Доу-Джонса упал на 508 пунктов — рекордное падение за один день). В 1989 г. по Восточной Европе прокатились антикоммунистические революции, а в 1991 г. рухнул «исторический коммунизм» и распался СССР, то есть провалился марксистский прогрессистский проект Модерна. Противники коммунизма и СССР поспешно объявили это победой либерализма — полной и окончательной (и в этом смысле «концом истории»). На самом деле это был двойной подлог — как по линии «конца истории», так и по линии либерализма. (Думаю, правы те, кто считает, что так называемый «неолиберализм» имеет минимальное отношение к либерализму. На самом деле это неоконсерватизм, «правый радикализм», отрицающий реальный либерализм и его ценности.)

XX век завершился крушением обоих прогрессистских проектов Модерна — марксистского и либерального, обеих форм универсалистской геокультуры Просвещения, по которому (я согласен с Дж. Грэем) впору справлять поминки. Впрочем, поминки по

Просвещению справляются уже с конца 1970-х годов. Словно по принципу «язычник, страдающий от язв христианства» ими стала иранская революция — первая революция XX в. в «третьем мире», состоявшаяся под религиозными, антипросвещенческими лозунгами. Затем уже пришел «неолиберализм», с его свободой без равенства и братства, — стратегия ограничения прогресса 15–20% мирового населения и отсечения от этого прогресса «остального» человечества.

Крушение СССР и то, что произошло с Российской Федерацией в 1990-х годах, стало наглядной иллюстрацией отсечения и «конца прогресса», по крайней мере, всемирного, универсального. Ну а селективный, партикуляристский прогресс — это уже не прогресс. Не случайно в эти годы одна за другой появлялись книги с названиями «The end of progress», «La fin de l'avenir». Они хорошо вписывались в общую антипрогрессистскую атмосферу, установившуюся уже в 1980-е годы. Как-то незаметно научную фантастику вытеснил жанр фэнтэзи. В самой научной фантастике собственно научный, просвещенческо-рациональный элемент уменьшился, а фэнтэзийный, то есть по сути сказочный, усилился. Достаточно взглянуть на эволюцию Пола Андерсона, Гарри Гаррисона и многих других авторов, начинавших в 1950–1960-е годы в качестве классических научных фантастов.

Фэнтэзи — это не просто ненаучная фантастика. Если science fiction — это будущее в будущем, «будущее-как-будущее», то фэнтэзи — это прошлое в будущем и как будущее. Это сказочная версия мира средневековья и древности, населенная драконами, гоблинами, эльфами, гномами, ликантропами и т.п., опрокинутая в будущее и дополненная сверхсовременной техникой. Но суть дела не меняется от того, что местом действия фэнтэзи может быть и космос, в котором летают фотонные звездолеты и совершаются «прыжки» через гиперпространство и параллельные миры. Остается главное — сказочно-мистический ход происходящих событий. И именно в пользу такого жанра склонилась чаша весов в 1980-х годах. Отсюда — фантастический рост популярности «Властелина колец» Дж. Толкина, «поттеромания», широчайшее распространение ролевых игр (прежде всего в США) типа «Башен и Драконов» («Dungeons and Dragons») и различных «Quests», мистических триллеров Ст. Кинга, Д. Кунца и др.

В последней четверти XX в. наблюдались иррационализация и религиозная синкретизация в том числе светских и марксистских идейных систем, движений. Так, перуанская «Сендеро луминосо» («Светлый путь») — марксистская организация с маоистским уклоном, созданная университетским профессором А. Гусманом, в какой-то момент начала «модифицироваться» с помощью индейского милленаризма. Лидер организации стал рассматриваться в качестве реинкарнации последнего Великого Инки, убитого испанцами в 1572 г. Исследователи также отмечают использование мифов об Ангкоре «красными кхмерами». Можно привести и другие примеры, но и этих вполне достаточно для иллюстрации общей тенденции.

Итак, похоже, что Занавес Истории опускается не только над XX веком, но и над веком или даже эпохой прогресса, если понимать под ней эпоху надежд на всемирный, универсальный прогресс для всех. Складывается впечатление, что и хозяевам современного рынка этот «пряник» больше не нужен, им достаточно «кнута» рынка. Почему же и как возникла идея прогресса, «овладевшая массами» и ставшая материальной силой последних двух столетий умирающей на наших глазах эпохи Просвещения?

* * *

Слово «прогресс» — в смысле направленного в лучшую сторону развития — используется в западноевропейских языках с начала XVII в. При этом упор делался в основном на умственный прогресс. Ясно, что сама идея прогресса как лучшего будущего в качестве необходимого, хотя и недостаточного условия требует линейного времени, возможна только в нем, а не в циклическом. Китайцы и индийцы воспринимали ход событий циклически (классика — китайская «И-цзин»), как вечное изменение, причем цикл «разматывался» в сторону ухудшения, лучшие времена, «золотой век» — позади. Первыми, у кого появилась вера в лучшее будущее, были древние евреи, однако они не связывали это будущее с нравственным совершенствованием. Такой шаг сделали христиане. На первый взгляд, они переместили «золотой век» в будущее. На самом деле проведенная ими хронооперация была сложнее.

В западной цивилизации как творении христианского и христианизирующего исторического субъекта всегда существовали элементы, которые, в зависимости от угла зрения, могли трактоваться как качественно более древний и качественно более современный. Такая спецификация определялась наличием и взаимодействием античного и христианского (христианско-германского) начал. В христианской мысли первым носителем современности оказывается сам Иисус Христос. Жизнь Иисуса была принята в качестве даты вытеснения одновременно в священной и светской истории и Античности с ее политикой и философией, и «старого божьего промысла» — иудейских законов и Ветхого Завета.

Разделение античной древности и христианской современности стало важным элементом средневековой культуры. «Современное» в данной ситуации выступало как царство Божьей благодати и воли, а древнее — как царство закона и философии. Ни в одной из цивилизаций прошлое и настоящее (настоящее-будущее) не противопоставляются друг другу столь дихотомически, как в европейской цивилизации. Напряжение между элементами этой дихотомии, усиливающееся их противоречием как светского и религиозного, и породило в рамках христианской схемы мира понятие настоящего. В этом понятии динамика благодати, как заметил Дж. Покок, в принципе может быть продолжена в будущее, что и было при определенных условиях реализовано в идее прогресса. Поскольку такое продолжение принципиально возможно, «современный» и «древний» элементы могут поменяться местами. Так и произошло в XV–XVI вв., когда было изобретено «Средневековье» как прошлое с целью дистанцировать от него настоящее в качестве светского, нерелигиозного. В этом смысле европейское Настоящее — это прежде всего Антипрошлое, среди характеристик которого главная является негативно-функциональной. В принципе и в него можно поместить будущее, а его самого перенести в это будущее, слить с ним. Инструментальный, оперативный, функциональный характер настоящего в европейской цивилизации (даже в Средневековье настоящее было функцией Будущего и Вечности) и хронотрадиции позволяет заявлять в качестве него практически любое состояние, измерение времени. Настоящим может стать будущее или типологически прошлое. Прошлым — настоящее. И так уже бывало.

Как писал Дж. Покок, мыслители Возрождения задолго до Гиббона связали «триумф варварства» с «религией» и начали считать себя «современными» в том смысле и по той же причине, что подражали древним или даже превосходили их. Гуманисты, таким образом, произвели инверсию: если для ранних христиан их эпоха была «современной» в силу ее особой религиозности по отношению к античной древности, то гуманисты возрождение светской Античности представили как возникновение современности, противостоящей варварскому прошлому и господству религии. В результате Средневековье приобрело вид мрачного «слаборазвитого» прошлого. Мы до сих пор, к сожалению, смотрим на этот динамичнейший отрезок истории как на статичный

заинтересованным в психо-исторической фальсификации ренессансо-просвещенческим взглядом. При этом забывается, что деятели Реформации могли использовать ту же дихотомию и определять «антикизированное» христианство (или христианизированную античность) как прошлое. Собственно, Мартин Лютер и отсек это прошлое своими тезисами как социальной бритвой Оккама, не предполагая, что ввергает христианский субъект, Европу и мир в самое большое, жестокое и захватывающее социальное приключение — капитализм с его мировой, планетарной экспансией.

Прошлое в западной (христианской) традиции — это тот старый мир, от которого часто необходимо отречься, чтобы бежать в будущее — то ли к вынесенной за рамки социума Вечности, то ли к внесенному в настоящее виртуальному будущему. Таково характерное для западного человека отношение к прошлому, ограничивающее возможности манипуляций со временем, «игры» с ним и в него. Но и здесь у европейского субъекта есть контригра, есть ходы. И они тоже обусловлены логикой истории и содержанием западной цивилизации. Благодаря обладанию линейным трехмерным (прошлое — настоящее — будущее) временем, европеец любой трюк со временем, любой поворот может объявить торжеством современности как настоящего. Какой бы хроноисторический наперсток не был поднят, европейская система всегда может подложить шарик «современности», настоящего именно под него, объявив остальное архаикой, отсталой традицией. В основе этого хроноисторического «наперсточничества» лежит тот факт, что линейное время не только носит сегментарно-футуристический характер, не только неоднородно, но и этически определено и определенно, причем неравномерно. Только на такой основе и могла возникнуть идея прогресса.

В течение длительного времени — от блаженного Августина до XVII–XVIII вв. — христианская идея совершенствования, поступательного развития нравственности и ума, духа и знаний не претерпевала качественных изменений. Более того, в XVI — первой половине XVIII вв. Возрождение и Старый Порядок как кластеры нескольких альтернативных вариантов постфеодального развития (одним из них был капитализм, который во второй половине XVIII в. уничтожил или подмял под себя все остальные, превратив их в свои функции) способствовали возрождению циклических идей, особенно в Италии (Макиавелли, Вико). Однако линия «вертикального совершенствования», которую с XVII в. все чаще называли прогрессом, набирала силу. Решающей стала вторая половина XVIII в. Тюрго, Кондорсэ, Гиббон, Гердер, Кант и многие другие заговорили о совершенстве не только духовном, но и социальном; Кант вообще связывал одно с другим в единое целое.

Великая французская революция перевела вопрос о неизбежности изменения, развития вообще и прогресса в частности в практическую сферу: революция совершалась от имени прогресса и «объясняла» всем (я согласен в этом с И. Валлерстайном), что социальные и политические изменения нормальны и неизбежны. Не случайно в 1811 г. появляется термодинамика, которая стала первой наукой о сложном. Она ввела понятие необратимых процессов, зависящих от направления времени («стрела времени»).

Необратимые общественные и политические процессы конца XVIII — начала XIX вв., которые их сторонники называли прогрессивными, прогрессом, представляли собой политическую и интеллектуальную проблему, требующую реагирования. Вставал вопрос, как относиться к так называемым «прогрессивным» изменениям?

Три великие идеологии Модерна — консерватизм, либерализм, марксизм (и идеология как тримодальный феномен) возникли и оформились в XIX в. как три различных ответа-

реакции на изменение, ставшее неизбежной реальностью благодаря Великой французской революции. Таких ответов могло быть только три:

- *отрицательный*: негативное отношение к «прогрессивным изменениям» — консерватизм, то есть стратегия на торможение;
- *положительный*, акцентирующий эволюционный, постепенный характер изменений — либерализм;
- *положительный*, акцентирующий революционный, скачкообразный характер изменений — марксизм.

Таким образом, именно необратимые изменения, ставшие реальностью лишь в конце XVIII в. (Вольтер, например, о таком и не мыслил), лишили религию возможности выполнять роль средства идейной артикуляции социальных войн, как это было в XVI — первой половине XVIII вв. Эти изменения поставили на повестку дня необходимость создания принципиально иной идейной формы организации и артикуляции социальных интересов и политической борьбы — по поводу неизбежного, необратимого будущего, причем реализуемого здесь, а не за пределами земного мира, и средств достижения/обеспечения этого будущего.

*** * ***

Казалось бы, внешне идея прогресса представляет собой всего лишь светскую, десакрализованную версию христианской «хронолинейки». Так, например, считал Макс Вебер и не только он. На самом деле ситуация сложнее. Идея прогресса произвела серьезные изменения в христианской «хронолинейке», перестроила ее.

Мы привыкли интерпретировать идею прогресса как футуристическую, как идею, имеющую отношение исключительно к будущему. В значительной степени это психологическая ошибка или, по меньшей мере, историко-культурный самообман. По-настоящему, так сказать качественно, футуристическим, устремленным только в будущее было христианство. Футуристическим было Средневековье, которое стремилось к Будущему и в «будущее-само-по-себе». В Будущем должно было произойти второе пришествие Христа, завершавшее Время, ломавшее христианскую «линейку» и отпиравшее Врата Вечности. Будущее — это то, после чего приходит Вечность, вслед за чем она начинается. И только потому Будущее — ценность. Оно ценно своей связью с Вечностью, тем, что оно является мостом в Нее.

Идея прогресса, выдвинутая в ядре капитализма в определенный период его истории, — это не просто секуляризованная версия христианской «линейки», но нечто более хитрое, сложное и многомерное. Она возникла как результат существенного смещения — временного и ценностного.

Идея прогресса означает помещение в будущее, распространение на него модифицированного, улучшенного настоящего — настоящего современного (modern) Запада, то есть современного настоящего. Прогресс — это презентизация будущего, это будущее как улучшенное, «жюльвернизированное» настоящее, а не некое Будущее, качественно несравнимое с настоящим. Модернизация мира есть по сути его презентизация в будущем «а ля Запад». С этой точки зрения, Будущее — это уже всего лишь будущее (мира), построенное по типу Настоящего (господствующих групп Европы); это — функциональное продолжение настоящего. Прогресс — это настоящее-в-будущем, настоящее, продленное в будущее и слитое с ним. Прогресс — это по сути уничтожение Будущего как особого качества, превращение его в настоящее, низведение Будущего до

будущего. Это разрушение моста из Времени в Вечность. Прогресс — это историческая и метафизическая диверсия, взрыв единственного моста в Вечность, уничтожение Великой Христианской Мечты. Но не только. Прогресс — это и Вечность во Времени, Вечность, перенесенная во время посредством вечности настоящего-в-будущем.

В упрощенческой интерпретации идеи прогресса — лишь как секуляризации христианских представлений о Будущем — упускается из виду и девальвация Будущего, и поворот от него к Настоящему (в Прошлое), которые имманентны идее прогресса, встроены в нее, и разрыв связи между Будущим и Вечностью, Временем и Вечностью, и подмена будущим (в виде усовершенствованного настоящего) Вечности, то есть Временем — Вечности, а следовательно, полное вынесение Вечности за пределы социального времени. Идея прогресса — это прощание Запада с Вечностью и начало пути из Будущего-будущего в Настоящее-будущее, а затем — и в прошлое-как-настоящее.

Выдвинув в XIX в. идею прогресса, капитализм по сути впервые в истории христианства и западной цивилизации перенаправил время из будущего в настоящее, иными словами, перевел стрелки назад, по направлению в прошлое и создал настоящее-в-будущем. Было ли это нарушением логики развития европейской цивилизации, христианского исторического субъекта? И да, и нет. Да — при поверхностном взгляде. Нет — при более глубоком. Античность как «дозападное бытие Запада» демонстрировала наличие как циклического, так и линейного времени; последнее, однако, не было значимым. В раннем христианстве поздней Античности и христианстве Средневековья акцентировалось линейное время, обращенное в Будущее. Капитализм, сохранив «линейку», «стрелу времени», презентизировал, «онастоящил» ее.

Линейное время не есть синоним времени футуристического, то есть обращенного в будущее: всякое футуристическое время есть линейное, но не всякое линейное время есть футуристическое. Физически, исторически объекты, системы, отношения развиваются из прошлого в будущее. Однако культурно-историческое, социокультурное направление развития, направление исторического, а не «физического» («физикалистского») времени зависит от историко-культурной интерпретации его нахождения в момент старта, в момент социокультурного «Большого взрыва».

«Большим взрывом» христиан(ства) было рождение Христа. Единственным настоящим, положительно окрашенным ценностно, было Будущее, приближавшее к Божественному, к Вечному; будущее как Будущее, а не как хронотара, куда можно загрузить подновленное настоящее. Настоящее — это вообще миг, главное — Вечность, а Будущее — порог к нему. Будущее качественно отличалось от настоящего тем, что исчерпывало Время, уничтожало его, позволяло выйти за его пределы — в Вечность. Два пришествия Христа, то есть по сути он сам, замыкали Время, сворачивали христианскую «линейку» в «рулон», с которым Христос, как Терминатор Времени, отправлялся в Вечность. Будущее подводило итог историческому времени и в то же время оказывалось Истинным Началом пути в Вечность. И концом Времени. Главное в Будущем то, что это конец Времени, конец Царства Кесаря и начало царства Божия, «Начало Вечности». Причем конец этот — не «рай на земле», как в идее прогресса, а катастрофа, конец света, гибель мира по «сценарию» Иоанна Богослова и Страшный Суд. Так сказать, сквозь тернии к звездам, сквозь терновый венец — к святости. В этом смысле Будущее не является носителем положительных субстанциональных характеристик, таковые — отрицательны. Положительные характеристики Будущего — функциональны, поскольку приближают Царство Божие. В прогрессе будущее как усовершенствованное настоящее самоценно. Эта хрономанипуляция XIX в. по-своему не менее значима, чем переход от античной хроносистемы к христианской.

В XIX в. идея прогресса как типа общественного развития довольно быстро развивалась, приобретала различные формы. Так, гегелевская философия истории стала философией истории прогрессивных форм и стадий развития духа. Маркс заменил «духовные стадии» материальными — социально-экономическими формациями, которые советский (сталинский) марксизм выстроил в пятичленку «первобытное общество — рабовладение — феодализм — капитализм — коммунизм», с обязательным прохождением почти всеми народами почти всех стадий. Исследователи, изучавшие хозяйство, выстраивали схему «дикость — варварство — цивилизация». Либеральные историки создавали свои теории: в XX в. это была схема «племенное общество — традиционное общество — современное общество».

В начале XX в. окончательно оформились два универсалистско-прогрессистских проекта — либеральный и коммунистический, а в конце века они оба рухнули. Терминатором обоих выступил «неолиберализм» («правый радикализм»), точнее, те социальные силы, орудиями которых он был. Они обрушили как на СССР, так и на западные «welfare state», рабочий и средний классы «Франкенштейна глобализации», глобального рынка капиталов, мира свободы без равенства, похоронившего идею универсального прогресса, а вместе с ним и феномен идеологии. Ведь последняя возникла как реакция на всемирный инклюзивный прогресс. Селективный эксклюзивный «прогресс для избранных» потребует иной, чем идеология и христианская религия, формы самовыражения и самообоснования. Какой? Об этом можно только гадать. Скорее всего, это будет та или иная форма (нео)язычества, фиксирующая коллективизм, партикуляризм (исключение), иерархию и отрицающая «свободу, равенство, братство» и демократические институты и ценности. Но это отдельная тема. Вернемся к прогрессу.

Что же получается? Выходит, двести лет люди жили фикцией, которую к тому же распространили на историю общества и живую природу, выстроив целую иерархию? Нельзя сказать, что сторонники теорий прогресса, не говоря уже о критиках, не видели в них серьезных проблем и уязвимых мест. Даже представители официальной марксистской науки делали немало оговорок. Так, в пятитомной советской «Философской энциклопедии», в статье «Прогресс», подчеркивается, что прогресс тесно связан с регрессом (цитата из Энгельса); что универсальных критериев прогресса не существует, в каждой области свои критерии; что (ссылка на Маркса) к прогрессу следует подходить не абстрактно, а конкретно-исторически, со скачками как вперед, так и назад; что критерий общественного прогресса следует искать в материальной основе общества, в (ссылка на Ленина) развитии производительных сил — в совершенствовании средств и организации труда, в контроле над стихийными силами природы.

В западной (либеральной) науке в качестве критериев прогресса выдвигались накопление знаний, рационализация жизни различных сфер общества, индустриализация, урбанизация. Пиком «наивного прогрессизма» стала середина XIX в. Уже в конце XIX в. социальная и интеллектуальная атмосфера изменилась. (Достаточно сравнить четыре «главных» романа Жюля Верна, написанные им в середине 1870-х годов, с четырьмя «главными» романами Герберта Уэллса, написанными в середине 1890-х годов.) В последней четверти XIX — начале XX вв. идея прогресса начинает подвергаться критике. Теннис в Германии, Леонтьев и Данилевский в России, Сорель во Франции — вот лишь несколько имен критиков. Позднее, во второй половине мировой смуты 1871–1945 гг., им на смену придут Шпенглер, Сорокин, Эвола, Тойнби и др. Однако, как только наступило «славное тридцатилетие», критики прогресса и неоциклисты стали объектом снисходительных улыбок со стороны капиталистической и социалистической буржуазий, комбинировавших «принцип Кандида» с «принципом Сидония Аполлинария» и не

желавших знать, что даже среднесрочный экономический рост, не говоря о долгосрочной истории, носит циклический характер.

Колокол тревоги зазвонил в конце 1960-х годов — в докладах Римскому клубу и рекомендациях «нулевого роста». (Здесь я оставляю в стороне вопрос о том, в какой степени эти доклады носили действительно научный характер, а в какой были началом большой политической игры, интеллектуальной артподготовки деятельности Трехсторонней комиссии и ряда других организаций, которые резко активизировались после фактического поражения США в 1975 г. в классической фазе «холодной войны».) Ну а о том, что произошло в 1980–1990-е годы с «реальным» прогрессом и идеей прогресса, мы уже знаем.

* * *

Если в середине XIX в. представления о прогрессивном и рационально-упорядоченном развитии общества были перенесены на природу, то в конце XX в. сомнения в общественном прогрессе тоже не замедлили сказаться на представлениях о развитии живой и неживой природы, математики. Это нашло отражение в теории диссипативных структур И. Пригожина с ее акцентом не на равновесие, а на флуктуации (равновесие — лишь относительно краткий миг между двумя флуктуациями), в так называемых «chaos studies» и «complexity studies» (наука о сложном), во фрактальной геометрии Б. Мандлбро, а также в замене терминов «точные» и «неточные» науки на «жесткие» и «мягкие». Заговорили и об отсутствии прогресса в развитии живой природы, по крайней мере, его реальных критериев.

Вообще-то прогресс живой природы «а ля Дарвин» с самого начала находился под огнем критики (наиболее активными были русские — Данилевский и Кропоткин). Да и сам Дарвин в своих выводах никогда не шел столь далеко, как иные неистовые ревнители его теории (в этом смысле Дарвин, как и Маркс, заявивший, что он не марксист, мог бы сказать: «я не дарвинист»). В любом случае, создать цельную теорию прогрессивной биологической эволюции у биологов не получилось. Попытка взаимно адаптировать дарвинизм и генетику, носившая во многом механический характер, привела к компромиссу — оформлению в 1940-е годы синтетической теории эволюции (СТЭ). Эта теория до сих пор не дала ответа на вопрос, как и почему на основе принципа «survival of the fittest» (у нас распространен неточный перевод «fittest» как «сильнейший») вообще возможна эволюция, причем постоянно ускоряющаяся, то есть внешне направленная. Попытки оспорить дарвиновский прогрессистский вариант эволюции с позиций номогенеза (Л. Берг, А. Любищев и др.) не смогли стать полноценной альтернативой СТЭ.

Но, действительно, есть ли реальные критерии прогресса в живой природе или ситуация безнадежна? Думаю, все же есть. Природа вообще и живая в частности — более легкий случай для обнаружения таких критериев, чем общество, в том числе потому, что, как говорил Эйнштейн, природа коварна, но не злонамеренна, она сознательно не врет исследователю, у ней нет социального интереса, «модифицирующего» знание. Критерии прогресса живого — цефализация (усложнение нервной организации, то есть формирование все более полных и тонких моделей окружающего мира) и обусловленное ею общее и по частям усложнение организма; уменьшение зависимости от среды (адаптация к изменениям не путем изменения органов, а посредством трансформации старых и формирования новых навыков и фиксированных действий); индивидуализация; дифференциация. В основе всех этих критериев и тенденций лежит увеличение информационно-энергетического потенциала при сохранении или уменьшении вещественной массы носителя. Это что касается качественных показателей. К

количественным относятся рост численности данного вида, территориальная (ареальная) экспансия и внутривидовая дифференциация.

Одним из важнейших прогрессивных информационных сдвигов, по сути информационно-биологической революцией, стало увеличение у рептилий количества информации, содержащейся в мозгу, по отношению к информации, содержащейся в генах. У нас часто с иронией говорят о динозаврах, относящихся к рептилиям, как о чем-то гигантском, но глупом. На самом деле динозавры были самыми умными, информационно насыщенными существами своей эпохи и, к тому же, далеко не все они были гигантскими. Чтобы успешно конкурировать с рептилиями и прежде всего с динозаврами, млекопитающим понадобилось выработать три мощнейших эволюционных вида «оружия»: лимбический мозг, то есть более высокоразвитую форму организации информации и ее вещественного носителя, теплую кровь (энергию) и короткий сон. Этот «триумвират», сформировавшийся в ходе ароморфоза млекопитающих, сделал их хозяевами кайнозоя, а в перспективе позволил с помощью неокортекса, коллективного сознания / организации и речи, «выдвинуть из своей среды» Homo.

Разумеется, чисто эволюционное развитие в истории живой природы увидеть нельзя. Во-первых, в истории Земли было пять великих вымираний — геобиокатастрофы позднего ордовика (440 млн. лет назад), девона (355 млн. лет назад), перми (248 млн. лет назад — самое широкомасштабное), позднего триаса (206 млн. лет назад — динозавры сменили текодонтов) и мела (65 млн. лет назад — самое известное, связанное с вымиранием динозавров). Если бы не катастрофы и вымирания (своеобразные революции), трудно сказать, как бы протекала эволюция.

Во-вторых, у современной науки, аналитической по своей сути, нет средств для адекватного понятийно-теоретического воспроизведения генезиса, появления того или иного феномена, той или иной системы. Наука до сих пор толком не объяснила возникновение Вселенной, жизни и человека. Да и с «возникновениями» на уровень ниже тоже имеются проблемы, будь то кембрийский биологический взрыв, появление кроманьонца или генезис капитализма. Ни одна система не образуется на собственной системной основе, у нее — антисистемные предпосылки, которые невозможно не только анализировать, но и разглядеть на языке предшествующей системы. В этом плане весьма показателен провал попытки великого физика Э. Шредингера объяснить, что такое жизнь и как она возникла, не прибегая к биологии, только на основе физики и химии. Получается, что прогресс осуществляется в рамках некой целостности, и это можно объяснить, а вот переход к другой целостности как прогресс объяснить уже труднее. Однако в любом случае в развитии живой природы, в сравнении форм живого вполне можно зафиксировать определенные критерии прогрессаорм. Сложнее в этом плане обстоит дело с социальной природой, человечеством, земной цивилизацией, с обществом и его различными формами — «историческими системами», «формациями», «цивилизациями».

А нельзя ли перенести сюда, в сферу социального, земной цивилизации, различных ее исторических систем, те критерии и принципы, которые работают для живой природы? Ведь они носят общесистемный характер. В самом общем плане это действительно можно сделать. По крайней мере, информационно-энергетический потенциал активно использовался в дискуссиях о земной и внеземных цивилизациях на бюраканских конференциях, в исследованиях, посвященных проблеме CETI и т.д. Например, сравнивая уровень развития (прогрессивность) гипотетически существующих внеземных цивилизаций, Н. Кардашев четко разделил их на три типа по такому критерию, как энергетический потенциал — ежесекундное потребление энергии порядка 1020 эрг,

4·1033 эрг и 4·1044 эрг. Аналогичные мысли высказывал С. Лем в своих сочинениях «Сумма технологии», «Фантастика и футурология» и др. Именно энерго-информационный потенциал определяет возможности технического развития — вплоть до астроинженерной деятельности. Впрочем, в этих дискуссиях прозвучал и votum separatum — о возможности не технического, а биологического развития цивилизации, то есть принципиально иной, нетехнической Игры Общества с Природой. В таком случае уровни развития, равно как и степени прогрессивности, оценивать и сравнивать уже сложнее. С этим мы и переходим к проблеме прогресса в оценке различных исторических систем (структур производства/присвоения, цивилизаций, формаций).

На первый взгляд, несложно сравнивать на предмет прогрессивности земледельческие (аграрные) и доземледельческие (собиратели, высокоспециализированные охотники, рыболовы и кочевники-скотоводы в качестве особого случая), с одной стороны, и индустриальные и доиндустриальные (аграрные, кочевые и присваивающие) общества, иначе говоря, капиталистические и докапиталистические социумы, с другой. Здесь с определенным допущением можно утверждать, что все более или менее ясно. Впрочем, есть и проблемы.

*** * ***

Первая из этих проблем заключается в том, что техническое развитие не является ни причиной, ни основой самого себя. Напротив, оно есть следствие развития совершенно определенного класса социальных систем, определенной цивилизации — западной. Это отличает последнюю как от другой европейской цивилизации — античной, так и от наиболее развитых азиатских. Западная цивилизация уже на своей ранней стадии, в эпоху феодализма, демонстрировала такие темпы технического развития, которые не имели аналогов в тогдашнем мире. Об этом свидетельствуют сельскохозяйственная революция VII–VIII вв. и первая промышленная революция XI–XIII вв. Ну а капитализм после промышленной революции просто создал техническую цивилизацию. Однако сам он возник на доиндустриальной, аграрной основе и первые два столетия развивался как одно из доиндустриальных, аграрных обществ. Как заметил Д. Норт, если бы древний грек попал в Европу 1750 г., то за исключением огнестрельного оружия и кое-каких «мелочей» мир в целом показался бы ему знакомым. В 1850 г. перед ним предстал бы совершенно незнакомый и непонятный мир. И не только из-за фабрик и индустриализации производства, а из-за того, что индустриализация начала качественно менять быт, повседневную жизнь.

Раннекапиталистическая Европа, Европа Старого Порядка вовсе не была самым успешным обществом своей эпохи. Как заметил один известный специалист по экономической истории, если бы история остановилась в 1820 г., то единственное экономическое чудо, которое знал бы мир, было восточно-азиатским, точнее, китайским, поскольку Япония до ее «открытия» Западом никаких чудес не демонстрировала. Причем оно насчитывало бы как минимум три столетия. А если бы, добавим, история остановилась в 1750 г., то еще одним экономическим чудом в памяти остался бы аль-Хинд — индо-океанский (по дуге от Восточной Африки до Зондских островов) макрорегион обмена и производства, в который португальцы, голландцы и англичане (до битвы при Плесси в 1757 г.) встраивались в качестве одного из игроков.

Техника — элемент системы, целого, следствие определенных цивилизационных черт, даже определенной социальной структуры. Потребность ее возникновения и развития определяется этим целым, а не наоборот. Разумеется, роль, значение и степень автономии технической сферы на Западе возрастали со времен феодализма. Но только

промышленная революция, возникновение индустриальной системы производительных сил и ее инфраструктуры 150 лет назад сделали технику действительно автономной сферой, подсистемой общества. Логика и потребности западной цивилизации обусловили на определенной, причем довольно поздней стадии развития технический спурт, и потому сравнение исторических систем по техническому уровню имеет ограниченный характер: западная цивилизация — это не только техника, но и *нечто другое*. Именно это «другое» породило эту технику, с этим дотехническим «другим» и надо сравнивать неевропейские социумы.

Это одна сторона дела. Другая заключается в том, что если в развитии западного социогенотипа, в его Игре с Природой развитие техники было необходимо, то в Игре других социогенотипов (цивилизаций), будь то майя или инки, древние египтяне или вавилоняне, индийцы или китайцы, оно было бесполезно. Незападные народы решали свои проблемы, воспроизводили свои социумы при минимальном техническом воздействии на природу. Или, скажем так: после железной революции IX–VIII вв. до н.э. азиатские и североафриканские общества, не говоря об иных неевропейских обществах, не пережили более никаких революций ни в производстве (технике), ни в социальном строе. В Европе же произошли полисная, сеньориальная, коммунальная, великая капиталистическая (1517–1648 гг.) революции.

Но при этом, благодаря тому соотношению искусственных и естественных производительных сил, наиболее развитые азиатские общества, такие как Индия, Китай, вплоть до конца XVIII в. выглядели более успешно, чем античная и Западная «Европы» (имеется в виду сравнение по таким показателям, как демографический потенциал, валовый продукт, торговля, роль денег и торгового капитала, уровень ремесленного мастерства, размеры городских агломераций).

В то же время доиндустриальная Европа, хотя и делала качественные рывки, неизвестные Востоку, вплоть до XVIII в. развивалась вполне циклически. Правда, этот цикл был не круговым, а линейно-возвратным (прогресс — регресс). Так, уровня сельскохозяйственного производства I–II вв. н.э. (эпоха Антонинов) Западная Европа достигла — после тысячелетнего провала — лишь в XI–XII вв. Затем был новый провал XIV–XVI вв., и уровень II и XII вв. был достигнут лишь в начале XVIII в.

Мы оказываемся в еще более сложной ситуации при сравнении наиболее развитых «докапиталистических» социумов между собой. Дело в том, что в «докапиталистических» обществах природные производительные силы играют решающую роль по отношению к искусственным, к технике, а живой труд — по отношению к овеществленному. Социумы, цивилизации встроены в свою природную среду, образуя единый социоприродный комплекс. И сравнивать надо не технические элементы комплексов, а сами комплексы. В этом случае вообще невозможна абсолютная оценка, поскольку техника, овеществленный труд не являются здесь системообразующими компонентами, как при капитализме. Возможна лишь оценка относительная, фиксирующая соотношение природных и искусственных (овеществленных) факторов труда. Последнее проявляется в соотношении коллективной и индивидуальной форм живого труда: чем больше роль искусственных факторов производства, тем большее значение имеют индивидуальные формы труда, тем свободнее индивид от коллектива в системе социальных производительных сил.

Однако, даже придя к такому выводу — об изменении соотношения искусственных и естественных факторов производства в пользу первых и отражении этих изменений в соотношении индивида и коллектива, мы можем распространять его только на Европу, на цепочку «рабовладение — феодализм» (Античность — Средневековье). А вот

использование этой схемы при сравнении европейских и азиатских (неевропейских) форм, с одной стороны, и внутриазиатских (неевропейских), с другой, крайне сомнительно. Как сравнивать между собой китайскую, индийскую и исламскую цивилизации по «шкале прогресса»? С точки зрения абсолютного вещественно-энергетического потенциала и возможностей *количественного* развития, сравнение Китая и Индии с Античностью и феодализмом будет в пользу Востока. По линии соотношения природных и искусственных сил производства, выражающемся в степени свободы индивида от коллектива (индивидуализация и дифференциация), а следовательно, по потенциалу *качественного* развития, выхода за собственные рамки, усложнения (прогресса) сравнение будет в пользу Античности и особенно феодализма. В принципе конструкции последнего была заложена возможность перехода к капитализму в качестве способа решения внутрисистемных противоречий.

Западная цивилизация решала свои проблемы, переходя от одного хрупкого равновесия с природой к другому. Из 2 800 лет европейской истории 25–35% приходится на революционно-промежуточные эпохи, эпохи флуктуаций. Но, конечно, европейская история не была столь флуктуационной, как русская, которая представляет собой практически полный антипод восточной. Поэтому Европа выступает в качестве «золотой середины» между Россией и Востоком. Азиатские цивилизации решали свои проблемы на основе сохранения одного и того же равновесия. Столь разные стратегии вообще трудно сравнивать по навязанной миру европейцами «шкале прогресса». Эталоном прогресса был провозглашен европейский meum, превращенный в универсальный verum. С XIX в. этот verum был подкреплен капитализмом, индустриальной техникой и обеспеченными ими уровнями благосостояния, образования, науки. Большая прогрессивность индустриальной капиталистической системы по сравнению со всем, что предшествовало ей в Европе, и со всем, что существовало одновременно с ней вне Европы, кажется очевидной. Здесь и накопленное материальное богатство, и фантастическая техника (станки, автомобили, ракеты, ТВ, компьютеры), расцвет науки, достижения медицины и многое-многое другое. Разве это не так?

Не так, утверждает И. Валлерстайн, отец-основатель школы мир-системного анализа. «Это просто неправда, что капитализм как историческая система представлял собой прогресс по сравнению с различными предыдущими историческими системами, которые он уничтожил или трансформировал», — пишет он в своей работе «Исторический капитализм». «Даже когда я пишу это, — продолжает автор, — я чувствую дрожь, которая связана с осознанием богохульства. Я боюсь гнева богов, так как меня выковали в той же идеологической кузнице, что и всех моих товарищей, и я поклонялся тем же святыням, что и они».

Валлерстайн считает, что критерии прогресса носят односторонний характер. Так, мы никогда не задумывались над тем, сколько знаний потеряли в ходе интеллектуальной «зачистки», проведенной идеологами универсализма. Растущее беспокойство по поводу качества социальной жизни (аномия, отчуждение, рост психических заболеваний) — это тоже «достижение капитализма». Господство над силами природы? Да, на одном уровне. На другом — угроза глобальной экологической катастрофы. Условия жизни рабочего класса? Условия жизни промышленного рабочего в ядре системы действительно улучшались вплоть до начала 1980-х годов. Но промышленные рабочие — меньшинство мировой наемной рабочей силы. Подавляющее большинство живет в сельской местности и в городских трущобах полупериферии и периферии, живет хуже, чем их предки 500 лет назад. Большая часть мирового населения работает интенсивнее и подвергается большей эксплуатации.

Все рассуждения о прогрессе, который наблюдается в эпоху капитализма, на самом деле подтверждаются только на примере 15–25% мирового населения ядра и его анклавов на периферии. 75–85% населения исключены из этого прогресса, что представляет собой имманентную черту капиталистической системы как игры с нулевой суммой: прогресс меньшинства осуществляется за счет большинства и в ущерб ему. Все это не значит, что иные чем капитализм системы были лучше. Хороших систем не бывает. Дело в другом: универсальный (для всех) прогресс при капитализме является мифом. *Прогресс капитализма — это прогресс для меньшинства, представляемый как материальный и духовный прогресс для всех или длябольшинства*. В зависимости от конкретного периода истории мировой экономики это меньшинство может составлять от 15% до 25%.

Все системы основаны на иерархии и привилегиях. Свои иерархии и привилегии буржуазия ядра объявила лучшими и попыталась обосновать это научно и идеологически с помощью понятия «прогресс». Научная истинность играет в этом, по существу, идеологическом обосновании огромную, если не решающую роль, поскольку в соответствии с обеими положительными прогрессистскими идеологиями наука работает с объективными, то есть находящимися вне поля социальных интересов, истинами. На самом деле это не так. Наряду с рациональным познанием объективной истины наука и научная культура выполняют социальную функцию. Наука, в том числе наука об обществе, есть функциональный элемент капиталистической системы, она работает на ее укрепление, на рационализацию и теоретическое обоснование господства привилегированных групп. Кому-то такой язык и такие формулировки покажутся марксистскими, левыми. Но это не марксизм, а реальность. Не согласны? Попробуйте оспорить. А пока — в завершение этого сюжета — цитата из Валлерстайна.

Научная культура «представляла собой нечто большее, чем простая рационализация. Она была формой социализации различных элементов, выступавших в качестве кадров всех необходимых капитализму институциональных структур. В качестве общего и единого языка кадров, но не трудящихся, она стала также средством классового сплочения высшего слоя, ограничивая перспективы или степень бунтовщической деятельности со стороны кадров, которые могли бы поддаться этому соблазну. Более того, это был гибкий механизм воспроизводства указанных кадров. Научная культура поставила себя на службу концепции, известной сегодня как “меритократия”, а раньше — как “la carriure ouverte aux talents”. Эта культура создала структуру, внутри которой индивидуальная мобильность была возможной, но так, чтобы не представляла угрозу для иерархического распределения рабочей силы. Напротив, меритократия усилила иерархию. Наконец, меритократия как процесс (operation) и научная культура как идеология создали завесу, мешающую постижению реального функционирования исторического капитализма».

Миф об универсальном прогрессе , связанном с капитализмом, о прогрессивном, революционном переходе от феодализма к капитализму, о развитии производства как предпосылке этого перехода, о буржуазных революциях как его средстве суть именно такие завесы, будь то в марксистской или либеральной формах. (В данном случае они во многом схожи, поскольку, к сожалению, Маркс некритически заимствовал у либерализма идеи эволюционного развития и буржуазной революции, встроив в свою теорию идейно-теоретического «троянского коня».) Рассмотрим этот миф подробнее, тем более, что многие его элементы используются сегодня для обоснования прогрессивности «прекрасного нового мира» глобализации.

*** * ***

Вначале несколько слов о марксовой (и марксистской) схеме прогрессивного перехода от феодализма к капитализму, от одной формации к другой. Согласно Марксу этот переход происходил тогда, когда производственные отношения перерастали старые производительные силы и требовали для своего нормального функционирования адекватных им новых производственных отношений, новой социально-экономической формации. Революция и была средством установления этого соответствия. Если бы Маркс был прав, то уровень развития производительных сил раннего капитализма должен был превосходить соответствующий уровень позднего феодализма, а уровень развития производительных сил раннего феодализма — соответствующий уровень позднего рабовладения. В исторической реальности дело обстоит прямо противоположным образом.

Раннефеодальное общество демонстрирует очевидный упадок по сравнению с позднеантичным в плане развития производительных сил, торговли. Уровень сельского хозяйства II в. н.э. был достигнут лишь спустя почти тысячу лет. То же самое — с поздним феодализмом и ранним капитализмом. Уровень сельского хозяйства XII–XIII вв., как показал Э. Леруа Ладюри, был восстановлен лишь на рубеже XVII–XVIII вв. Производительность первых мануфактур была ниже, чем у цехового ремесла. Не обострением системообразующего противоречия (у Маркса — между производительными силами и производственными отношениями) следует объяснять кризис и конец систем, а, напротив, выработанностью, затуханием такого противоречия.

Как правило, появляющиеся принципиально новые формы — социальные, биологические, технические или научно-теоретические — сначала уступают, и порой весьма серьезно, существующим. Первые автомобили уступали в скорости лошадям, первые мануфактуры — цехам, а предки людей — многим представителям животного мира. Однако в принципе конструкции автомобиля, в его идее был заключен такой потенциал развития, которого не было у лошади. Это и есть потенциал прогрессивного развития системы. Однако вначале он существует лишь как принцип конструкции, а не как вещество или уже установившаяся система. В вещественном и системном плане новая форма — это регресс. Причем, как правило, вынужденный, не от хорошей жизни, реакция на кризис.

Как заметил еще в 1970 г. А. Гуревич, причины перехода к феодализму в Западной Европе лежат не в качественных сдвигах в области производства, а в кризисе социального строя варваров, обусловленном столкновением с римским социальным строем. Феодализм стал одной из попыток, причем успешной, вырваться из социального ада. «Можно ли выйти из ада? Иногда да, но никогда в одиночку, никогда без того, чтобы принять жесткую зависимость от другого человека. Необходимо присоединиться к той или иной общественной организации… или создать таковую — с ее собственными законами, [создать как по сути] контробщество», — писал Ф. Бродель. (Речь шла о том, как в XV–XVIII вв. спасались из социального ада, из точки бифуркации кризиса позднего феодализма, из постфеодализма группы и индивиды.) Действительно, в той ветви макроисторического развития — европейской, субъектной, где происходила постоянная смена одной системы другой (социосистемная трансгрессия) в форме великой социальной революции, новое общество или его прообраз, будь то предполис, раннехристианская община, братство по оружию или ранняя мануфактура, являлось *регрессивным* по такому показателю, как развитие материальных производительных сил. *Прогрессивными* были рекомбинация элементов социальной структуры и возникновение нового исторического субъекта, нового типа человека и его организации, создававшего новую систему. Именно так — от субъекта к системе, а не наоборот: непосредственной филиации одной системы из другой не бывает.

Таким образом, любой системный сдвиг включает *регресс* (в большей степени) и *прогресс* (в меньшей степени). Прогресс и регресс суть различные аспекты *трансгресса*. Запомним этот термин, который нейтрально фиксирует факт системного сдвига, его, как сказал бы Гегель, «чистое бытие». Именно трансгресс обычно пытаются выдать за прогресс и тем самым доказать, что смена одного социального порядка на другой есть законный и оправданный переход на более высокую ступень развития и что от нее выигрывает большинство. На самом деле от изменения социального порядка выигрывает лишь определенное меньшинство.

Классический пример подобной операции — *интерпретация возникновения капитализма*. На ней следует остановиться подробнее, поскольку именно здесь сокрыты если не все, то многие секреты и тайны капитализма, в том числе и секрет его «кощеевой смерти». Итак, какую картинку эпохи XV–XVII вв. рисовали с середины XIX в. марксисты и либералы?

Жили-были злые сеньоры, ленивые монахи, угнетенные крестьяне и предприимчивые бюргеры — купцы и ремесленники. Жили они в мрачном средневековом обществе с натуральной экономикой, господством церкви, в почти полном невежестве. Но вот на их счастье какая-то продвинутая часть бюргеров (будущая буржуазия) поднялась на борьбу против существующего строя и католической церкви. Сначала она возродила античность, затем — раннее христианство. В ходе буржуазных революций она, иногда в союзе с монархией, а часто даже в борьбе с нею, одержала верх над феодалами и создала капитализм — строй намного более прогрессивный, чем феодализм.

Здесь почти все неправда и фальсификация. Феодальное общество, разумеется, не было идеальным. Однако оно вовсе не было обществом застойным. Исследования последних 30–40 лет, посвященные Средневековью, опровергают трактовку феодального общества как периода торжества натурального сектора и представляют совсем иную картину эпохи, чем та, к которой приучили нас учебники. Наиболее сжато эту альтернативную картину воспроизводит в своих работах Валлерстайн.

В начале XIV в. Западная Европа достигла экономического плато в своем развитии. «Черная смерть» еще более усугубила ситуацию, усилив сделочную позицию крестьянина и горожанина по отношению к сеньору. Попытка сеньоров повернуть эту тенденцию вспять привела к антифеодальной революции 1380–1382 гг., которую марксисты и либералы, признающие лишь буржуазные и социалистические революции, разделили на три различных восстания — Уота Тайлера, «белых колпаков» и «чомпи». В это же время стал очевиден кризис католической церкви.

В результате перед сеньорами замаячила мрачная перспектива такого социума, где им было бы уготовано положение членов многочисленного феодального (постфеодального) аграрного среднего класса, живущего в условиях нарастающей политической децентрализации. Иными словами, им грозила утрата привилегированного положения. И тут сработал классовый «зоосоциальный» инстинкт, объективно потребовавший демонтажа феодализма «сверху» раньше, чем его «демонтируют» (сметут) «снизу».

Плавно и незаметно для самих участников социальные сражения за призы позднего феодализма — кабошьены, бургундцы и корона во Франции, «алая» и «белая» розы в Англии — превратились в борьбу за выход из феодализма. Уже в середине XV в. мы видим два конкурирующих варианта-потока демонтажа феодализма — «снизу» и «сверху». Иногда, впрочем, на какое-то время они ситуационно смешивались (классический пример — так называемая Крестьянская война в Германии начала XVI в., менее очевидный — религиозные войны во Франции второй половины XVI в.). Главным

агентом варианта «сверху» были «новые монархии» типа монархий Людовика XI во Франции и Генриха VII в Англии.

В конце XV в. открывают Америку, начинает формироваться мировой рынок, складывается новое международное разделение труда. Происходит военная революция, которая вместе с «новомонархической» центральной властью и заокеанским богатством резко меняет сделочную позицию в пользу экс-сеньоров. Многие из них теперь связаны посредством торговцев с мировым рынком и могут усиливать эксплуатацию. Побочным продуктом (сначала — рецессивной мутацией) всех этих процессов стал генезис капитализма. К середине XVII в. великая социальная революция, невиданная социальная драма 1453–1648 гг., которую до сих пор сводят лишь к генезису капитализма, завершилась. Ее финальные аккорды — Тридцатилетняя война, английская революция (трагедия) и фронда во Франции (фарс).

Очевидным результатом революции стало формирование исторического субъекта, который позднее создал капиталистическую систему, а именно — «барочной монархии», мифологизированной историками XIX в. как абсолютистской. Менее очевидным, но с точки зрения общеисторической стратегии главным результатом стало сохранение в середине XVII в. у власти и «у привилегий», пусть и в обновленной форме, большинства тех же самых групп и даже семей, которые обладали властью в середине XV в. Второй тур капиталистической истории (1648–1789/1848 гг.) заключался в демонтаже постфеодального, но еще не капиталистического Старого Порядка частью аристократии, буржуазии и низов. В середине XIX в. оба тура — весьма различные по содержанию и целям — были представлены как единый процесс прогрессивного перехода от феодализма к капитализму (в результате почивший в бозе на Западе в XV в. феодализм «продлился» до XVIII в.), как «буржуазные революции», которых на самом деле нигде никогда как таковых не было.

Еще одной важной подменой стало выведение новоевропейской республиканско-демократической традиции из Античности — Греции и Рима, тогда как Средневековье было объявлено эпохой господства монархии и иерархии. На самом деле, как показывают исследования Х. Даалдера, Б. Даунинга и др., именно средневековый Запад, прежде всего его города, демонстрируют по сути такой уровень демократии, республиканизма и конституционализма, который был неизвестен в Античности. В чем же дело?

Все очень просто. Античные полисы были главным образом олигархическими структурами, за демократией и монархией часто скрывалась все та же олигархия. Не случайно, как утверждают исследователи, например Р. Спринборг, западный средневековый город вовсе не был наследником античного полиса. (В своем классическом варианте он встал на ноги в результате коммунальной революции XI–XII вв., которая явилась ответом части общества на сеньориальную революцию IX–X вв.) К последнему типологически намного ближе мусульманский город. Средневековый город, воздух которого делал человека свободным, был зачастую более демократичным, чем полис. Провозглашение именно последнего (и Античности) образцом демократии позволяло обосновать необходимость борьбы против реально существовавшей альтернативной формы организации средневекового общества — несеньориальной — как косной, недемократической.

Формирующимся постфеодальным олигархиям XVI–XVII вв. античный олигархический строй был ближе средневекового. В этом плане миф об «Античности», созданный Возрождением, во-первых, носил не столько культурный, сколько социально-политический характер, а во-вторых, выполнял в социальной борьбе XV–XVII вв. ту

функцию, которую с конца XVIII в. стал выполнять миф о прогрессе. Эти два мифа связаны друг с другом и выступают как последовательные стадии в борьбе за создание нового неэгалитарного привилегированного общества и отсечение от общественного пирога значительных сегментов населения позднесредневекового социума, которым «моральная экономика» феодализма гарантировала определенные права, в том числе и право на выживание. Капитализм заменил моралэкономию политэкономией, прочертил прямую (и фальшивую) линию к Античности (прямо как идеологи конца советской эпохи — линию от перестройки к «оттепели», минуя брежневизм, из которого эта перестройка выросла, и к НЭПу). Кстати, и петровские реформы, и НЭП, и перестройка объективно выполняли для соответствующих господствующих групп в России и СССР ту же роль, что и капитализм в Западной Европе XVI–XVIII вв.: сохранение привилегий максимально большей части верхушки, отсечение от общественного пирога расширившейся середины общества и перераспределение части «демократического богатства» путем превращения ее в «богатство олигархическое». Естественно, все это происходило под лозунгами прогресса, который должен был скрыть регресс в отношении положения огромных слоев и представить его как издержки прогресса, а не как его следствие и источник одновременно. Ту же функцию на современном Западе выполняет неолиберальная глобализация.

* * *

Подведем итоги. Прогресс — частная форма изменения, развития. Суть этой формы — качественное изменение, сопровождающееся увеличением информационно-энергетического потенциала агента прогресса и, как следствие, усилением конкурентоспособности, захватом новых ареалов и дифференциацией. Прогресс всегда осуществляется за счет и в ущерб кому-то как внутри системы, так и вне ее, и обусловлен необходимостью выживания в острокризисной ситуации. В этом плане следует говорить не о прогрессе, а о единстве прогресса и регресса, а еще точнее — о *трансгрессе*.

Если от абстрактных рассуждений переходить к конкретно-историческому развитию, то здесь необходимость применения понятия «*трансгресс*» вместо «*прогресс*» еще более очевидна. Переход от старой системы к новой, особенно в последние полтысячи лет (в западной истории: феодализм — капитализм; в русской истории: московское самодержавие — петербургское, петербургское самодержавие — коммунизм, коммунизм — посткоммунизм), осуществляется главным образом как *операция сохранения привилегий господствующих групп, подразумевающая резкое ухудшение положения основной массы населения, усиление их эксплуатации и ужесточение социального контроля*. Иногда такая попытка проваливается. Происходит революция, и к власти приходит новая господствующая группа, которая тут же наделяет себя еще большими привилегиями и выступает более жестким социальным эксплуататором и контролером, чем прежние хозяева. При этом от прежнего общественного пирога отсекаются не только старые господа, но и трудящиеся. Интерпретируется все это как прогресс.

Специфика нынешнего этапа развития — глобального позднего капитализма — заключается в том, что *идеология и понятие прогресса не могут больше выполнять функцию идейного гаранта сохранения и увеличения привилегий*. Селективный и исключающий характер прогресса глобализации очевиден — из-под «прогресса» меньшинства все сильнее торчат «уши» регресса большинства. Не удивительно, что демонтаж капитализма начинается с демократических институтов (см. доклад, написанный в 1975 г. под руководством С. Хантингтона по заказу Трехсторонней комиссии), геокультуры Просвещения (свобода без равенства), универсалистско-прогрессистских идеологий (торжество «правого радикализма»), европейских

христианских демократических ценностей (мультикультурализм, атаки на христианскую церковь и т.д.) — со всего того, что ограничивает капитал и в этом ограничивающем с ним негативном единстве-симбиозе и конституирует капитализм как особую историческую систему. В такой ситуации *реакционный прогрессизм* может стать мощным оружием низов и среднего класса, над которыми, похоже, готовы сомкнуться волны истории, против нынешних верхов. А наиболее радикальной левой стратегией может стать консервативное противостояние «правому радикализму» и неоконсерватизму. Эпоха заканчивается и в ситуации «вывихнутого века» — «the time is out of joint» возможны самые невероятные идейно-политические комбинации и конструкции. На то оно и историческое Зазеркалье. Впереди — новый *трансгресс*, и нужно внимательно следить за игрой властных «наперсточников» во всем мире, ибо «кто предупрежден, тот вооружен».

http://www.intelros.org/lib/statyi/fursov1.htm